
ОБЩИЕ ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ

Н.В. Веселкова
(Екатеринбург)

МЕНТАЛЬНЫЕ КАРТЫ ГОРОДА: ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ И ПРАКТИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ¹

В статье обосновывается узкая трактовка ментальных карт как рисунка местности, выполненного информантом по просьбе исследователя. Вводится четыре методических критерия, отличающие ментальные карты от близких методов и практик. На примере эмпирического исследования раскрываются процедурные особенности и эвристический потенциал этого метода.

Ключевые слова: ментальные карты, социальное картографирование, образ города, опыт города, сеть, сетевое единство.

Постановка исследовательской задачи

Ментальные карты прочно вошли в обиход исследований города на пересечении самых разных наук и областей деятельности от психологии до архитектуры, от социологии до городского планирования и управления. В настоящее время метод ментальных карт, похоже, переживает второе рождение, обнаруживая все новые

---

¹ **Наталья Вадимовна Веселкова** – кандидат социологических наук, доцент Уральского государственного университета им. А.М. Горького (УрГУ). E-mail: vesselkova@yandex.ru.

Статья подготовлена в рамках проекта «Трансформация городского пространства и мобильность населения» при финансовой поддержке РГНФ (№ 09-03-00678а, рук. Е.Г. Трубина). Выражаю благодарность за помощь при подготовке статьи Е. и М. Пряжиковым, Д. Шкуруину.

границы и возможности использования. Исследовательская традиция, восходящая к «Образу города» (1960 г.) К. Линча [1], пересекается с направлением социального картографирования, и все это происходит на фоне растущей популярности разнообразных практик визуализации. В результате разноплановые методические решения подводятся под общее название «ментальные карты». И хотя в каждом случае это так или иначе обосновано, в целом различительная способность понятия падает (чем шире объем, тем меньше содержание) – теряется *понятийная чувствительность* (термин Г.Г. Татаровой).

Задача настоящей статьи заключается в обосновании строгой и более узкой, по сравнению с распространенными расширительными толкованиями, трактовки ментальных карт как *изображения местности, выполненного информантом по просьбе исследователя*. Исходя из данного определения, мы формулируем четыре методических критерия, позволяющих отличать ментальные карты от близких методов и практик, иногда выступающих под тем же именем. Артикуляция аспектов сходства и различия позволяет обозначить границы и эвристические возможности представляемого метода в социологических исследованиях¹.

Методические критерии

Методические критерии обуславливают процедурные особенности сбора и анализа информации, которые мы раскроем на основании существующей традиции и современных течений с привлечением собственного эмпирического материала – двух массивов ментальных карт города, созданных в течение 2008–2009 уч. г. студентами екатеринбургских вузов (в общей сложности 38 карт). Работа с этими материалами приводит к предположению, что ментальные карты не столько выявляют сложившийся образ, сколько

---

¹ И не преследует цели оценки достоинств или недостатков привлекаемых для сопоставления методов.

улавливают *опыт города* информантов, участвуя в процессе его постоянного развития. Дополняя принятый в исследованиях ментальных карт формально-структурный анализ другими видами, выходим на понимание карты как сетевого единства.

Ментальные карты – это исследовательский метод и одновременно продукт применения этого метода. Получаемые в итоге карты суть спровоцированные, или целевые (выполненные для целей проводимого исследования) документы. Как правило, их сопровождают интервью, групповое обсуждение, иногда задание по изображению местности включается в вопросник. Границы и потенциал метода ментальных карт в его строгой трактовке определяются следующими четырьмя критериями.

1. Изучаемые представления *визуализированы*. Ментальные карты – это не продолжение или дублирование («иллюстрация») вербальной информации, а самостоятельный эмпирический материал, где *визуальное* является центральным, приоритетным. Расширительность возникает, когда «карты» понимают метафорически, как некую совокупность представлений. Этому немало способствует термин «ментальные», предполагающий обращение к образам, представлениям как таковым. Если акцент на представлениях является решающим, картографирование может обозначать любое описание, так или иначе их сопоставляющее. Тогда карта выступает синонимом схематической модели и, в общем-то, не нуждается в визуализации.

Расширительное, хотя и в меньшей степени, словоупотребление имеет место и тогда, когда «ментальными картами» называют «обиходные» коллективные образы геополитического, географического пространства [2, р. 27; 3]. **Представления людей** о разных уголках земли бытуют сами по себе, проявляясь в каких-то артефактах¹, а могут быть специально актуализированы

---

¹ Вроде вывески со словом «Далмация» в американском супермаркете, появившейся после распада Югославии и давшей повод историку Л. Вольфу размышлять о «новой ментальной карте мира» [2].

исследователем, например, в виде интервью с «опорой» на старый фотоальбом [4, с. 158]. В приведенных примерах предмет картографирования относится к области ментальностей и в ряде случаев касается места. Однако их нельзя отнести к ментальным картам, поскольку информанты ничего не изображали.

По данному критерию ментальные карты примыкают к широкой области визуальных исследований, участники которых создают фото- и видеозарисовки, рисунки или коллажи по заданной теме. Специфика ментальных карт города подчеркивается вторым критерием.

2. Ментальные карты визуализируют представления о *местности*. В «Георейтинге» Фонда «Общественное мнение» данные опросов по национальной выборке помещаются социологами на карте России. В 2006 г. накопленный материал был представлен в тематическом выпуске журнала «Полис» под названием «Ментальные карты России» [5, с. 5; 6]. Участники исследований высказывались на самые разные темы, зачастую не имеющие прямого отношения к территории, их взаимодействию с местом (электоральные предпочтения, пользование интернетом и т.п.). Территориально-поселенческая принадлежность респондентов по умолчанию выступает независимой переменной, к ней «привязываются» все высказывания опрошенных. Неявным допущением подобного присвоения характеристик территориям является низкая мобильность, фактически иммобилизация населения. Только такое положение дел позволяет считать, что «застигнутый» социологом в некоем населенном пункте человек наверняка принадлежит данной территориально-поселенческой общности и может ее представлять. Степень же принадлежности и представительства не проблематизируется.

Метод ментальных карт с самого начала его активного использования в 1960-е гг. подразумевал построение выборки на основании того, является ли информант «местным жителем» (резидентом) и в течение какого времени, каков его опыт мобильности и т.п. Многоэтапная методика «картографического отображения»

географических образов в СМИ и массовом сознании, разработанная М.В. Грибок, свободна от привязки людей к территории. На первом этапе составляется «карта упоминаемости субъектов РФ» в новостных программах федеральных каналов, затем в ходе интернет-опроса выясняется, какие ассоциации вызывают у респондентов те или иные субъекты РФ. Результаты опроса помещаются на карту РФ [7].

На наш взгляд, карты, подобные полученным в исследованиях М. Грибок (она справедливо не называет их ментальными) и в «Георейтинге», корректнее будет называть *социальными картами мнений*. Различие этих двух проектов в том, что у М. Грибок речь идет об оценках геополитических единиц, а в «Георейтинге» – о мнениях и предпочтениях по любым темам. Роднит их то, что участники выражают свое мнение исключительно вербально и ничего не рисуют. Для строгой трактовки ментальных карт подобные методические решения недостаточны: изучаемые люди должны выражать свое видение местности, а не просто там находиться.

3. Непосредственным создателем ментальной карты является *информант*. По этому критерию ментальные карты выделяются из обширной традиции социального картографирования. В техническом плане главное отличие социального картографирования от ментальных карт состоит в том, что в первом случае социолог, фактически, собственноручно наносит собранную им информацию на географическую карту или схему места¹. В методологиче-

---

¹ Примером может служить изучение «микрорасовой» расовой сегрегации в Кейптауне [8]. Исследователи составили схематические карты двух ночных клубов на Лонг-стрит, а их ассистенты вели наблюдение и фиксировали на карте количество белых и черных посетителей (терминология авторов) в каждом сегменте территории клуба. Результаты были представлены в виде схем, где для каждого участка клуба показано процентное соотношение белых/черных. Сопоставление этих цифр с демографическими данными по микрорайону, а также сравнение результатов 2004-го и 2006 гг. приводит авторов к выводу о наличии систематических и рекурсивных паттернов расовой изоляции.

ском плане здесь полностью доминирует исследовательская рамка референции: социолог определяет, что будет фиксироваться, с какой целью и какими изобразительными средствами. Пожалуй, наиболее известный случай социального картографирования – опыт зонирования Чикаго в знаменитом труде Э. Берджесса и его коллег «Город» (1926 г.). Еще раньше Ч. Бут в своем исследовании «Жизнь и труд в Лондоне» (1886–1903 гг.) маркировал улицы города семью цветами в зависимости от того, каков был доход проживающих там людей и к какому классу они относились [9; см. также 10, с. 241]. В США результаты похожего обследования были опубликованы Дж. Адамс и ее соратниками в 1895 г. К текстам прилагались две карты, одна из которых демонстрировала распределение иммигрантов 18 национальностей, другая отображала недельный доход семей на территории близ Халл-Хауса в Чикаго [11; см. также 12, с. 8]. Примечательно, что в этих проектах карты составлялись по результатам не только опроса, но и наблюдения, причем обследования территорий были сплошными. Социальное картографирование зарекомендовало себя как способ упорядочивания и визуального представления данных социальной статистики¹. (Ментальные карты также часто используются в контексте так называемых количественных исследований.)

Ярким примером уже из нашей действительности является методика, разработанная Н.Б. Барбаш и Ю.А. Крючковым. В их определении социальное картографирование – это «создание

---

¹ В том же 1895 г. «Вестник Американской статистической ассоциации» опубликовал рецензию на «Сборник статей и карт Халл-Хауса». Автор рецензии, Э. Грин Болч (в будущем – профессор экономики и социологии, лауреат Нобелевской премии мира, как и Дж. Адамс), отмечала, что большие цветные карты выполнены по типу карт Лондона Ч. Бута, но являются более детальными [13]. В работах, посвященных Дж. Адамс, говорится, что эта книга и развитие картографирования как статистической техники по установлению характеристик социальных групп стали важным вкладом в деятельность Чикагской школы социологии [см. 11, карты: <http://homicide.northwestern.edu/pubs/hullhouse/Maps/>].

карт социальных явлений и процессов, протекающих в любой территориально-поселенческой общности» [14, с. 115]. Сначала собирают информацию о маршрутах передвижения людей за определенный период, обычно за неделю. Ее можно извлечь из существующей статистики, но чаще для этого проводят специальные опросы. Затем «пространственно-временные параметры жизнедеятельности» наносят на географическую карту. Так выявляются «локусы городской территории, на которых находятся объекты, регулярно посещаемые во время недельного цикла жизнедеятельности» – «групповые участки деятельности» [14, с. 123]. В изложении Н.Б. Барбаш и Ю.А. Крючкова этот метод ориентирован прежде всего на то, чтобы охарактеризовать территорию (а не людей или их представления) по следующим критериям: 1) степень освоенности (количество и замкнутость зафиксированных маршрутов); 2) конфигурация (траектория передвижений); 3) центрированность (циклы передвижений); 4) полезность (смысл, цель передвижений); 5) экономичность (концентрация передвижений по отношению к территориальной единице); 6) динамизм (виды передвижений); 7) степень «социализации» (популярность тех или иных маршрутов). В основе картографирования лежат виды деятельности и соответствующие им объекты (место работы, детский сад, поликлиника, магазины); порядок и частота их посещения как раз и дают картину тех или иных явлений и процессов. Так, в исследованиях 1970-х гг. было обнаружено, что люди предпочитают совершать обычные покупки возле дома, а не возле работы, хотя там есть вся необходимая инфраструктура; в Москве жизнедеятельность и взрослых, и школьников сосредоточена вдоль веток метро, тогда как в Калуге она более равномерно распределена по городу и т.д. В 2001 г. екатеринбургский Фонд «Социум» разработал специальную компьютерную программу¹ для картографирования данных мониторинга наркоситуации в Тюменской области. На карте

---

¹ Использовалась компьютерная программа «Vortex», ее автор и участник данного проекта – Д.В. Шкурин.

разными цветами обозначались число рождений и смертей, миграционный прирост/убыль, количество преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, прирост числа заболевших наркоманией на 100 тыс. населения за определенный период и т.п. [15]. Именно «картосхемы» выявили и наглядно продемонстрировали «ось зла»: зоны наибольшего распространения наркотиков четко совпадали с ветвью северной железной дороги, а дополнительная зона шла вдоль транссибирской магистрали. В отличие от британских и американских работ XIX в. современные проекты социального картографирования строятся на базе массовых опросов и ведомственной статистики. Однако и сегодня за основу берется географическая карта, на которую специалисты наносят интересующие их данные.

4. Ментальные карты создаются для исследования. Именно цель создания позволяет отличать собственно ментальные карты от одноименной техники индивидуального саморазвития (называемой также интеллект-картами – *MindMaps*), предназначенной для развития памяти, индивидуального самовыражения, дисциплинирования представлений графическим образом, например, при подготовке к экзаменам или к деловой презентации. Интеллект-карту любой желающий рисует для собственных нужд, а не для целей исследования. Кроме того, в отношении упомянутой техники словосочетание «ментальные карты» применяется несколько расширительно, предполагая визуализацию каких угодно представлений, не только пространственных.

Ментальные карты имеют много общего с так называемыми когнитивными картами. Иногда в специальной литературе эти термины употребляются через запятую, как синонимы. Тем не менее, различие все же есть: когнитивные карты призваны фиксировать прежде всего пространственные представления, содержащиеся у людей в головах. Специфика сделанных от руки и по памяти карт-набросков местности отражена в англоязычных словосочетаниях: «*sketch maps*» (рисованные карты) и «*free-recall sketch maps*» (свободно рисованные по памяти карты).

О процедуре сбора информации

Опираясь на концепцию К. Линча [1], рассмотрим ментальные карты города, созданные в течение 2008–2009 уч. г. студентами двух екатеринбургских вузов (вуз-1: 5-й курс – социологи, вуз-2: 3-й курс – «рекламисты»). Студенты выполняли задание в привычной обстановке (на занятии в присутствии преподавателя). Им были выданы листы формата А4, а чем рисовать, они выбирали сами из подручных средств, и можно было наблюдать, как участники просят друг у друга цветные маркеры, фломастеры. Задание звучало просто: студентам предлагалось нарисовать *свой город*. По сравнению с приведенными в литературе инструкциями, такая формулировка отличается лапидарностью.

Скупая инструкция лишила информантов конкретных указаний, но в то же время выдвинула на передний план эпитет «свой», что соответствует нацеленности на личностное восприятие местности, как принято в исследованиях ментальных карт. Так, С. Милграм в одном из исследований просил парижан нарисовать карту города, на которой они могут обозначить все его элементы, которые придут на ум: памятники, площади, отдельные кварталы, улицы или что-то еще. Участников предупреждали, что набросок должен выражать их видение, а не представлять собой туристическую карту города [16, с. 93].

В инструкциях иного типа, напротив, акцентируется коммуникативный мотив: информантам предлагают изобразить такую карту, чтобы другие люди смогли найти по ней дорогу. «Представьте, что у Вас есть друг, который собирается впервые посетить Дарем. Он(а) слышал(а) о нем от вас и беспокоится, что не хватит времени. Поэтому Вас просят *сделать рисованную или эскизную карту*, показав (1) то, что поможет ему (ей) сориентироваться и (2) то, что, по Вашему мнению, стоит пропустить», – говорится в анкете, разработанной Д.Ч.Д. Пококом для жителей английского города Дарема, а также приезжих и туристов [17, р. 512; *курсив*

Покока]. Аналогичным образом было сформулировано задание для детей 6-11 лет в исследовании М.Х. Мэтьюза: «Представь, что ты возьмешь меня с собой, когда отправишься из дома в школу. Пожалуйста, нарисуй мне карту...»; «Я остановился у тебя дома и ты собираешься показать мне окрестности своего дома. Пожалуйста, мог бы ты нарисовать мне карту...» [18, р. 90–91]. Здесь тоже важно личностное видение, однако сильный коммуникативный посыл нацеливает участников обозначать то, что может быть интересно другим, что принято показывать, отделив от того, что, скорее всего, не является интересным или не стоит предъявлять. Все это напрямую связано с актуализацией специфических культурных норм (как проводят экскурсии, чем полагается гордиться в этом месте и т.п.), обуславливающих восприятие *Другого* в данной конкретной ситуации. Изображение как послание – такой аспект, безусловно, имеется в любой карте. Приведенные примеры заданий (Д. Покока, М. Мэтьюза) многократно его усиливают, и тогда измеряется то, *что* информант желает сообщить *Другому*, а не то, *как* он представляет некое место «для себя».

В инструкцию (задание) иногда включают просьбу рисовать по памяти. Так, формулировка Д. Покока имеет продолжение в скобках: «Пожалуйста, попытайтесь сделать эскиз, невзирая на ограничения Ваших знаний и, как Вам кажется, способность к рисованию карт. Пожалуйста, полагайтесь только на *память*: не справляйтесь с путеводителями или планами. Меня интересует не каков город, а *как Вы думаете, каков он*. Поэтому не переживайте по поводу каких-либо пропусков, странных форм, свободных или сомнительных мест на Вашем эскизе, они могут быть самими интересными частями!» [17, р. 512; *курсив Покока*]. Вот другой пример апелляции к памяти: «По памяти набросайте карту местности, где вы живете, показывая все, что вы считаете важным» [19, р. 228]. На первый взгляд, «по памяти» может восприниматься как «проверка» памяти, знания города, особенно в учебных аудиториях. Вместо этого акцент делается а) на личностном представлении

и б) на сиюминутности: нарисуйте *свой* город, как Вы его себе представляете, прямо сейчас.

Созданные «прямо сейчас» карты было решено называть *спонтанными*. Собственно, мировая практика использования метода именно на таких набросках и основана. В вузе-1, однако, за первым, спонтанным, этапом исследования следовал второй¹. Студенты с неожиданным энтузиазмом принялись создавать дома более детальные карты, проявляя большую изобретательность в выборе выразительных средств, а на последующих занятиях состоялись презентации с кратким обсуждением.

О теоретико-методологических основаниях изучения ментальных карт

В исследованиях ментальных карт обнаруживается как минимум два конкурирующих основания. *Первое* из них с известной долей условности можно назвать *эссенциалистским*. Оно раскрывается, в частности, в текстах С. Милграма, который неоднократно подчеркивал, что изучает не географическую реальность, а ее отражение в умах горожан. Обнаружилось, что между «реальностью» и «ментальным образом» отсутствует жесткая связь, более того, они «плохо стыкуются между собой» [16, с. 92]. Такая оценка закономерна, если считать, что образ обязан быть отображением «географической реальности» и ничем иным. Представления о городе обладают относительной самостоятельностью, общностью и устойчивостью: образ, закодированный в миллионах умов, способен пережить и отдельных людей, и сам город. В дюркгеймов-

---

¹ Мы предложили участникам исследования нарисовать карты в режиме домашнего задания, опираясь на опыт Е.Г. Трубиной. Если на первом этапе было представлено 9 карт Екатеринбурга, то на втором – 19 (поскольку на двух из них изображен не Екатеринбург, а те города, которые информанты считают своими; эти два документа не везде включены в анализ). Вуз-2 представлен 10 спонтанными картами.

ской социологии это называется коллективными представлениями. С. Милграм признает сложность выявления ментальной модели города: ведь это не водительские права, которые человек может взять и предъявить по запросу исследователя. Эссенциалистская установка состоит тем не менее в убежденности, что образ «уже» существует до исследования и независимо от него.

Методические усилия в подобной перспективе направлены на разработку все более совершенного способа «экстрагирования», «вынесения наружу» этого образа. «Извлекаемый» продукт оценивается прежде всего, исходя из его сходства с «реальным пространством», «законными представителями» которого считаются географические карты, данные аэросъемки и т.п. Между этими двумя паттернами возникает ожидаемое заметное различие. Накопленный к середине 1970-х гг. багаж «несовпадений» привел А. Зигеля и Ш. Уайта к выводу о том, что пространственные образы «в головах» – это не «карты» и довольно часто даже не подобны им [20, р. 21]. Обнаруживаются ограничения метода ментальных карт. Действительно, в развитии индивидуального образа участвуют все органы чувств, поэтому при визуализации он немало теряет. С другой стороны, сказывается воздействие культурной матрицы, настойчиво «предлагающей» прогеографическое изображение. Тем самым искомый образ оказывается многократно искаженным.

Дуализм «объективного географического пространства» и его «психологической репрезентации» [16], по сей день присутствующий во многих работах по ментальным картам, преодолевается в рамках *конструкционистской* перспективы, которая является *вторым* возможным основанием. В соответствии с ним образ не столько выявляется, сколько конструируется, т.е. сгущается (словами М. Бахтина) и оформляется. В данном случае интересно не расхождение «образа и реальности», а конструируемость представлений с точки зрения их содержания, процесса и практик. Образ выступает уже не бледным искаженным оттиском реальности, а самой реальностью, к тому же постоянно меняющейся.

Рисуя свой город, одна студентка была раздосадована тем, что *«все равно не получается изобразить [представления] как есть, я ведь в каждый момент думаю, взвешиваю»*. С позиций конструкционизма незамутненное рефлексией «как есть» просто не существует, поэтому размышления не могут ничего исказить. Изучение динамики, в частности, с помощью отслеживания порядка прорисовывания карты, является одним из перспективных направлений в исследованиях ментальных карт [см., напр., 19].

Сказанное не означает, что образ города лепится из ничего. Безусловно, он несет в себе жизненный мир и опыт информанта в целом с поправкой на контекст конкретной жизненной ситуации и ситуации проведения исследования. Например, в нашем исследовании опыт студенчества и пребывание в аудитории при выполнении задания нашли выражение в том, что на большей части студенческих карт присутствует их университет (6 из 9 в вузе-1 на 1-м этапе, 6 из 10 в вузе-2). Конкретные условия, в которых создаются карты, также «прочитываются» в наборе изображаемых элементов. Цирк и телевышка оказались на 8 из 10 рисунков студентов вуза-2, вероятно, в силу того, что эти объекты были прекрасно видны из аудитории, чему способствовали большие окна с низкими подоконниками, выходящие прямо на цирк и телевышку за ним, и хорошая видимость, обусловленная временем дня и погодными условиям в тот момент.

Другие объяснительные гипотезы заключаются в том, что цирк в городе один и представляет собой весьма примечательное здание в зоне большого центра, что расположен вблизи торгово-развлекательных центров (ТРЦ), являющихся частыми элементами ментальных карт студентов, и что студенты склонны отмечать знаковые объекты, находящиеся вблизи (напротив) их вуза. Именно поэтому у студентов вуза-2 рядом с их учебным заведением обозначается цирк, у студентов вуза-1 – оперный театр. Между тем, в вузе-1 оперный театр фигурирует только на одной карте (правда, здесь расположение окон, погода и вид из окна не способствовали

зарисовкам с натуры; на более подробных изображениях второго этапа оперный театр присутствует на 5 картах из 17). На картах вуза-2 оперного театра нет вообще. Учитывая, что театр оперы и балета в городе тоже один, не менее примечателен, нежели цирк, и также находится в зоне большого центра рядом с тремя ТРЦ, упомянутые объяснительные гипотезы не находят своего подтверждения. Можно предположить, что, с архитектурной точки зрения, цирк все же более своеобразен, чем оперный театр, рассчитан на более широкую аудиторию и вызывает значимые ассоциации с детством, но для обсуждения подобных гипотез нужны дополнительные данные, в том числе за пределами ментальных карт.

Скорее, молодые люди изображают то, что в большей степени актуализировано в их жизненном мире, и то, что они считают знаковым для самого города. Может показаться, что одно выражает их индивидуальность, «субъективность», а другое – беспристрастный, «объективный» образ Екатеринбурга или, другими словами, *город для себя* и *город для других*. Эти два слоя то и дело просвечивают на картах, однако не следует их так категорично разводить. Отмечая даже очень личные места, информанты все равно показывают их, пусть не вполне осознанно, в расчете на «публику» (в любом тексте, включая визуальный, всегда есть адресат). И наоборот, «предъявляя» город другим, карты весьма избирательно распоряжаются достопримечательностями города. Так, ни на одном из спонтанных рисунков нет Храма на Крови, возведенного на месте расстрела царской семьи. Против исключительного влияния «вида за окном» говорит то, что у студентов вуза-1, от которого не виден цирк, он все же присутствует на 3 спонтанных изображениях из 9.

Сложность взаимосвязи указанных двух слоев в опыте города проявилась при сопоставлении карт первого и второго этапов в вузе-1. Поскольку студенты пришли в некоторое замешательство от предложения прямо сейчас нарисовать свой город, вопрос одного из них: «*А сколько в Екатеринбурге районов?*» – оказался

чем-то вроде спасательного круга. В итоге все карты первого этапа содержат районирование. Делясь впечатлениями по окончании рисования, информанты сетовали на свое незнание количества и официального названия административных районов, их размеров и соотношения друг с другом, местонахождения отдельных объектов и т.п. И первоначальное замешательство, и последующая неудовлетворенность обусловлены тем, что в этом первом опыте картографирования получила развитие стереотипная установка: нарисовать город – значит дать его карту, а она мыслится в духе официально принятой топографии. (Перечислив в пяти пунктах, чего она «не знает», шестым номером девушка подытожила: *«Вообще не умею составлять карты»*.) Таким образом, в первый раз студенты рисовали не столько *свой* город, сколько стандартную карту.

На втором этапе *свой* город победил: административное районирование ушло на второй план или вообще пропало, участники с удивлением признавали, как вроде бы «объективистская» фиксация значимых элементов города раскрывает их личность. Задача добиться в ментальных картах чего-то «более личного» через уход от «расхожих банальностей в готовых упаковках» [16, с. 92] была, на первый взгляд, достигнута. При дальнейшем рассмотрении, однако, стала очевидной иллюзорность, нерабочий характер оппозиции стереотипного и уникального, объективного и субъективного. В самом деле, создаваемые сугубо индивидуально карты второго этапа обнаруживали порой поразительное сходство, выдающее общность: а) пятилетнего опыта студентов-одногруппников; б) выпускников вуза; в) жителей мегаполиса; г) членов общества потребления и т.д. Все эти культурные матрицы, безусловно, просвечивают, читаются в собранных картах – подобно тому, как (авто)биографический рассказ всегда несет на себе отпечаток определенных канонов, по которым не только составляются биографии, но и проживаются жизни [21].

Противопоставление живых образов и абстракций «настоящей» картографии (лейтмотив произведений М. де Серто [22]) теряет

смысл в свете современной критической географии. Сторонники данного направления отказывают географическим картам в гарантированном онтологическом статусе объективных нейтральных продуктов науки. Любые карты – социальные продукты, они возникают в практиках и сами суть практики знания/власти, «постоянной ретерриториализации» и не могут быть иными [23; 24, см. также работы по гуманитарной географии]. Поэтому уже нельзя сказать, по М. де Серто, что в картах практики подменяются их следами, схематизированными в логике социального контроля и сциентистской рациональности. Рисованные и любые другие карты уравниваются с профессиональными, а последние утрачивают статус эталона.

Для анализа ментальных карт это означает непродуктивность деления рисунков по степени их примитивности/сложности в зависимости от уподобления профессиональной топографии, т.е. отказ от иерархизации, которой так увлекались в 1970-е гг. (Д. Эпллард, Д. Покок, М. Мэтьюз и др.). Показанные фасадом или в объеме и перспективе дома, с этой точки зрения, не будут считаться детскими и примитивными несмотря на то, что они уже не демонстрируют взгляд сверху – «геометрическое» или «географическое» пространство визуальных, паноптических, теоретических конструкций» [22, с. 82], с которым «боролся» М. де Серто. Противопоставление профессиональной топографии и любительских изображений действительно утрачивает смысл, когда для своей карты студентка Маша (имена изменены) использует нужный фрагмент «настоящей» карты. Кое-где девушка внесла отметки цветным фломастером и прикрепила несколько ярких фотографий отдельных мест, где она любит гулять, заниматься спортом и т.п. Это ее произведение, ее авторское решение. В другом случае «покупная» в зеленых тонах карта города была разрезана на фрагменты и наклеена на ватманский лист наряду с черно-белыми маленькими фото (информант на фоне определенных зданий, мест), билетами в кино и т.п. Отметок фломастерами здесь уже больше. Третий вариант использования профессиональных карт – это также кусочки распечатки стилизо-

ванной карты города. Серые фрагменты не показывают конкретные дома и улицы, как в первых двух случаях, их задача – обозначить слепые пятна в пространстве города.

Об анализе ментальных карт

Несмотря на множество вариаций и инноваций в анализе ментальных карт, требующих отдельного рассмотрения, классикой жанра, безусловно, остается подход К. Линча. Он выделил в образе окружения ряд аспектов, которые условно можно разделить на субъектные, следующие из опыта индивида, и абстрактные. *Субъектно-ориентированные* аспекты включают: 1) опознаваемость – насколько отдельное место различимо среди других; 2) структуру – соотношенность объекта с наблюдателем и другими объектами; 3) практическое или эмоциональное значение места для информанта [17, р. 20]. Наибольшую известность приобрела «пятичленка» К. Линча – совокупность *абстрактных* характеристик восприятия города: путь, ориентир, граница (окраина), узел, район. В 1980 г. И. Альтман и М. Чемерс на основании обзора проведенных к тому времени исследований делают выводы о возможной универсальности пяти элементов К. Линча для восприятия городского пространства по всему миру: похоже, что именно в этой «когнитивной и перцептуальной системе» люди представляют окружающую среду. Кроме того, их комбинация способна обрисовать уникальный профиль города так, чтобы получился его «валидный портрет» [25, р. 59]. Базовым же стало различение путей и ориентиров. В середине 1930-х гг. советский психолог Ф.Н. Шемякин ввел различие между двумя типами, или стилями, карт – «карта-путь» и «карта-обозрение»¹. В западных исследованиях это деление

---

¹ На основании обследования детей разного возраста Ф. Шемякин сделал вывод о том, что онтогенетически раньше развивается представление в виде «карты-пути» и только на следующем этапе – в виде «карты-обозрения» [26, с. 108].

было актуализировано Д. Эпллардом, предложившим термины «последовательная карта» – *sequential map* и «пространственная карта» – *spatial map*, М. Мэтьюзом и др.

Попробуем использовать эти наработки в контексте второй из вышеуказанных теоретико-методологических перспектив. Ментальные карты связаны с представлениями, но не являются их полным отпечатком. И представления, и карты взаимно развивают друг друга так же, как конструируют друг друга люди и вещи, согласно акторно-сетевой теории. Карты говорят на языке города о жизненных ценностях, приоритетах, привычках своих создателей, о чем-то они проговариваются помимо воли авторов.

Опознаваемость, по К. Линчу, проявляется в том, что «очевидная структура» города схватывается сразу. На картах наших информантов, как правило, присутствуют их вуз, дом, торговые центры и места проведения досуга, транспортные средства. Вместе они образуют *сеть* – единство элементов, которые при всех своих различиях оказываются рядоположенными, «завязанными» друг на друга. *Сетевое единство* позволяет говорить, с одной стороны, о дискурсивном прочтении объектов-знаков внутри одного рисунка, выявлять смысл в «сочленении» элементов, по Р. Барту [27]¹, а с другой – искать различия во взаимном расположении объектов (центр карты – периферия, передний – задний план и т. п.), их размерности и пр.

В центре рисунка обычно помещается вуз, а не дом или что-нибудь еще. Это место проведения значительной части времени, важный пункт в организации образа жизни и указание на самоидентификацию автора карты в качестве студента. (Иначе центральное положение вуза можно было бы истолковать как приверженность информантов к типу карты, рисованной «от себя», ведь спонтанные зарисовки были сделаны в вузе. Но это

---

¹ Мы сочли возможным использовать данный подход, несмотря на различия между рисунком и фотографией, артикулированные Р. Бартом.

не объясняет, почему вуз сохранил свое расположение и на картах, которые затем готовились дома.) На нескольких картах указан еще один вуз – УГТУ-УПИ. Занимая выигрышное территориальное положение и будучи самым крупным вузом Екатеринбурга, УПИ (старое название, которое используется на рисунках), безусловно, является хорошим *ориентиром*, но важнее другое. На наш взгляд, УПИ фигурирует еще и как *узел в сети*, являясь значимым объектом для информантов-студентов.

Опознаваемость является необходимым коммуникативным ключом. Выработка (или «угадывание») общего языка сопряжена с *производством пространства*¹. Студентке Маше недостаточно было отметить фломастером на распечатанной карте небольшой парк, где она любит заниматься спортом. Таких мест немало в городе, и не все в курсе, что именно этот пятачок называется парком Энгельса. Чтобы сделать его опознаваемым для других, девушка снабдила свою карту фотографией разноцветного паровоза из этого парка. Уникальный и узнаваемый, он служит классическим ориентиром по К. Линчу, Д. Эплйарду и др. (правда, ни в одном из описаний исследований паровозы нам не встречались). Вероятно, немаловажным было и то, что он разноцветный, тогда как остальное окружение было блеклым и серым. Подчеркнутый контраст цветных фотографий с серым фоном этой ментальной карты повествует о насыщенной яркости жизни Маши. Неформальность

---

¹ А. Желнина, со ссылкой на М. де Серто, пишет: «Город производится на повседневном уровне – его жителями и туристами. Это производство происходит, когда потребители посредством значимых практик формируют личные траектории, со своей логикой, составляют свои “предложения” из уже имеющихся “слов” – то есть из уже существующих элементов культуры» [28]. У Дж. Ло находим созвучное утверждение, хотя и в иной концептуальной плоскости: «Дистанции и пространство не существуют сами по себе как часть порядка вещей. Они создаются» [29]. Понятия «пространство», «место», «окружение» в этой статье используются как взаимозаменяемые, хотя это, конечно, не синонимы и их соотношение заслуживает отдельного обсуждения.

паровоза намекает на раскрепощенность спортивно-досуговых занятий девушки – таково *практическое и эмоциональное значение места* для информанта. *Соотнесенность объекта* с наблюдателем и другими объектами на карте Маши представлена весьма условно. Фотографии формата 10x15 дают просто россыпь ярких точек. Их немного, но за счет крупных снимков пространство выглядит вполне населенным. Пути между ними не прочерчены, серая сетка улиц карты-основы свидетельствует о том, что они неиндивидуализированны. Тем не менее, все выделенные объекты образуют *сеть*, абрис жизненного мира. Помимо паровоза, там есть оперный театр, ТРЦ, вокзал, а вот вуз обозначен только фломастером. В презентации студентка сказала, что университет настолько очевиден, что она не стала его снимать, ориентиром данного пространства служит фото оперного театра напротив вуза. Можно было бы предположить, что место учебы станет самоочевидным и для остальных студентов этой группы, однако в большинстве работ университет был изображен наравне с другими объектами, будь то чисто рисованная или коллажная карта. Похоже, для Маши университет перестал быть референтной точкой, не входил в число жизненных приоритетов, о чем и проговорилась ее карта.

Изображенное на карте представляет собой *сеть*, даже если отдельные элементы не соединены линиями дорог и маршрутов. Единство задается самим пространством карты, выбором информантов, что включать в нее, а что не включать. Очевидные для одних элементы могут даже не прийти в голову другим рисовальщикам того же самого места. Так, в вузе-1 Храм на Крови оказался отмечен на 4 из 17 карт II этапа. **Во всех случаях он настолько вписан в общую сеть, что не сразу заметен и уж тем более не является доминантой.** На одной коллажной карте этот Храм присутствует в виде маленькой, отпечатанной на писчей бумаге фотографии, соседствует с киноконцертным театром «Космос» (наклеен билет) и клубом «Водолей» (такое же маленькое фото автора карты с надписью: «Водолей – атмосфера» обведено в рамку с исходящими

лучиками). На другой карте фрагмент с надписью «храм» находится между «центром» и «вокзалом», сопровождаемый надписью «путь домой». На третьем коллаже Храм представлен вырезанным из журнала снимком: на переднем плане мужчина с коляской, на заднем – Храм на Крови, а за ним хорошо видны верхушки еще двух церквей. Эту картинку автор карты подписала «прогулки по городу». В четвертом случае очертания Храма смутно виднеются на заднем плане зоны отдыха в центре города. Ни в презентациях, ни в самой текстуре карт никак не заявлена историческая, туристическая или религиозная коннотация Храма на Крови, только его вплетенность в повседневные маршруты или ориентиры в пространстве города. Церкви обозначены еще на двух картах. В обоих случаях это Вознесенская церковь, которая находится поблизости от вуза-1. На одной карте она указана значком с крестом и подписью «Вознесенка», на другой – дана картинка из журнала с похожим ансамблем и надписью «плюс “Космос”».

Храм на Крови строился с 2000-го по 2003 гг., был освящен в 2003 г. и с тех пор является официальным знаковым местом Екатеринбурга. В том же 2003 г. в самом центре города была открыта пешеходная зона на ул. Вайнера. Сделанная по типу московского Арбата и питерской Малой Садовой, она вымощена тротуарной плиткой, оснащена клумбами, лавочками и занятными бронзовыми скульптурами, есть и фонтан, напоминающий «шарик» в С.-Петербурге. Пешеходная зона пересекает две центральные улицы и изобилует торговыми заведениями и кафе, здесь же находится картинная галерея и ряд учреждений. И все это категорически не попало на карты студентов, хотя ул. Вайнера находится в минутах ходьбы от обоих вузов и примерно на том же расстоянии от вуза-1, что и Храм на Крови. Это пространство не попало и не вписалось несмотря на популярность темы торговых точек и мест культуры и досуга. Таким образом, в отличие от Храма на Крови, пешеходная зона не выступает в качестве городского места, не входит в *сетевое единство*, не обладает она и свойствами *пути, узла, границы*,

ориентира, района. Из совокупности элементов на всех изображениях отчетливо выделяются следующие тематики (каждая из которых может стать предметом тематического анализа): транспорт/мобильность/риски, друзья, потребление, детство, работа/отдых, частное/общественное, природа.

Как ни парадоксально, отсутствующие или непрорисованные участки карт не нарушают *сетевого единства*. С. Милграм в свое время считал значительной исследовательскую находку К. Линча о том, что в восприятии горожан целые куски города остаются белыми пятнами. Действительно, незаполненные фрагменты бросаются в глаза даже при беглом взгляде на карты, более того, их авторы то и дело обговаривают данный феномен. Комментарии могут быть прямо противоположными: от «*Я здесь никогда не была, но буду*» до: «*Серая зона, неинтересно*», но все они обозначают «присутствие отсутствия». Как известно, в анализе важно обращать внимание не только на то, что есть в материалах, но и на то, чего там нет. Ни в картах, ни в устном обсуждении никак не были обозначены заводы, кладбища, учреждения пенитенциарной системы... «Медгородок» обозначен только один раз, и то на самом краю, почти за пределами карты. Уралмаш, ВИЗ (Верх-Исетский завод), Химмаш если и присутствуют, то в виде названий районов города, а не как гиганты отечественного машиностроения, позволившие Уралу гордиться званием опорного края державы. Похоже, для молодых людей они не субъективируются в этом качестве, а больницы и кладбища попросту отторгаются. Неосвоенные, незнакомые, неинтересные и даже нежелательные участки не являются, таким образом, абсолютной пустотой. Напротив, они представляют собой еще один тип фрагментов в фрагментарном мире.

В заключение отметим, что в любой карте переплетается личностное видение и коммуникативный мотив, уникальный жизненный мир информанта встречается с общими, по крайней мере, для данной социальной группы, социокультурными матрицами. В зависимости от задач, упор может быть сделан на одно

либо другое, кроме того, их баланс может переопределяться в ходе исследования самими информантами. Точно так же и социолог, и информант участвуют в артикуляции объекта картографирования: будет ли это некий предсуществующий образ или взаимное конструирование карты и представлений.

Ментальные карты применимы к изучению любой местности: мы можем просить информантов изобразить свою деревню или страну, континент или всю землю. Почему же этот метод получил распространение именно в исследованиях города? В отличие от других территориальных образований город относительно компактен и плотно населен, что позволяет говорить об общем опыте горожан и уже на этом фоне искать различия. В условиях глобализации и растущей мобильности перспективы развития метода ментальных карт, вероятно, будут связаны с его использованием в изучении более крупных территорий, чем город. Востребованность метода ментальных карт сегодня обусловлена актуальностью исследований таких разнонаправленных тенденций, как территориальная сегрегация и стигматизация, с одной стороны, и активные поиски региональной, городской, местной идентичности, решений по брендингу территорий – с другой [30; 31; 32]. Разумеется, этим список предметных областей не исчерпывается. И как всякий метод, ментальные карты обладают известной универсальностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Линч К. Образ города / Пер. с англ. В.Л. Глазычева; Сост. А.В. Иконников; Под ред. А.В. Иконникова. М.: Стройиздат, 1982.
2. Wolff L. A New Mental Map of the World // The New York Times Opinion. 2001. June 28.
3. Le Rider J. Mitteleuropa, Zentraleuropa, Mittelosteuropa: A Mental Map of Central Europe // European Journal of Social Theory. 2008. No. 11 (2). P. 155–169.
4. Романов П., Ярская-Смирнова Е. Ландшафты памяти: опыт прочтения фотоальбомов // Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность: Сб. науч. ст. / Под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой, П.В. Романова, В.Л. Круткина. Саратов: Научная книга, 2007. С. 146–168.
5. Бляхер Л. Представляю номер (Тема номера: ментальная карта России) // Полис. 2006. № 6.

6. *Ослон А.А.* Мегаопросы населения России: Проект «Георейтинг» // Полис. 2006. № 6. С. 6–23.
7. *Грибок М.В.* Картографическое отображение воздействия средств массовой информации на формирование образов регионов России // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5, География. 2008. № 4. С. 41–46.
8. *Tredoux C.G., Dixon J.A.* Mapping the Multiple Contexts of Racial Isolation: The Case of Long Street, Cape Town // *Urban Studies*. 2009. 46 (4). P. 761–777.
9. Poverty Maps of London // Charles Booth Online Archive // <http://booth.lse.ac.uk/static/a/4.html>.
10. *Трубина Е.Г.* Урбанистическая теория: Учеб. пособ. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2008.
11. Hull-House Maps and Papers: a Presentation of Nationalities and Wages in a Congested District of Chicago: Together with Comments and Essays on Problems Growing out of the Social Conditions / By residents of Hull-House, a Social Settlement at 335 South Halsted Street, Chicago, Ill. New York: T.Y. Crowell, 1895 // Hull-House Maps and Papers: Sociology in the Settlement // http://www.teachspace.org/personal/research/addams/maps_and_papers.html.
12. *Ярская-Смирнова Е., Романов П.* «Город затейный...»: Калейдоскопическое жизненное пространство // Визуальная антропология: Городские карты памяти / Под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. М.: ООО «Вариант»; ЦСПГИ, 2009. С. 7–14.
13. *Balch E.G.* Review and Notices // Publications of the American Statistical Association. 1895. Vol. 4. No. 30. P. 201–203.
14. *Барбаи Н.Б., Крючков Ю.А.* Социальное картографирование как способ пространственной организации данных о социально-территориальной дифференциации состава и качества жизни населения // Прогнозное социальное проектирование: теоретико-методологические и методические проблемы. М.: Наука, 1994. С. 115–129.
15. Мониторинг ситуации с наркоманией по Югу Тюменской области: Справочные материалы по проекту. Тюмень; Екатеринбург, 2001.
16. *Милграм С.* Эксперимент в социальной психологии. СПб.: Изд-во «Питер», 2000.
17. *Роскок D.C.D.* Some Characteristics of Mental Maps: an Empirical Study // Transactions of the Institute of British Geographers, New Series. 1976. Vol. 1. No. 4. P. 493–512.
18. *Matthews M. H.* Environmental Cognition of Young Children: Images of Journey to School and Home Area // Transactions of the Institute of British Geographers, New Series. 1984. Vol. 9. No. 1. P. 89–105.
19. *Huynh N.T., Hall G.B., Doherty S., Smith W.W.* Interpreting Urban Space Through Cognitive Map Sketching and Sequence Analysis // *The Canadian Geographer*. 2008. Vol. 52. No. 2. P. 222–240.

20. Siegel A.W., White Sh.H. The Development of Spatial Representations of Large-scale Environments // *Advances in Child Development and Behavior* / Ed. by H.W. Reese. N.Y.: San Francisco; L: Academic Press, 1975. P. 9–55. Vol. 10.

21. Бауман З. Рассказанные жизни и прожитые истории // Социологические исследования. 2004. № 1. С. 5–14.

22. Септо М. де По городу пешком // *Communitas*. 2005. № 2. С. 80–87.

23. Crampton J.W. Maps as Social Constructions: Power, Communication and Visualization // *Progress in Human Geography*. 2001. Vol. 25. No. 2. P. 235–252.

24. Kitchin R., Dodge M. Rethinking Maps // *Progress in Human Geography*. 2007. No. 31 (3). P. 331–344.

25. Altman I., Chermers M.M. Culture and Environment. Monterey, CA: Brooks/Cole Publishing, 1980.

26. Величковский Б.М., Блинникова И.В., Лапин Е.А. Представление реального и воображаемого пространства // Вопросы психологии. 1986. № 1. С. 103–112.

27. Барт П. Фотографическое сообщение // Система Моды: Статьи по семиотике культуры / Пер. с фр.; Вступ. ст. и сост. С.Н. Зенкина. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2004. С. 378–392.

28. Желнина А.А. Визуализация городской культуры и любительская фотография // Визуальные аспекты культуры – 2006: Сб. науч. ст. / Под ред. В.Л. Круткина, Т.А. Власовой. Ижевск: ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет», 2006. С. 173–180.

29. Law J. Materialities, Spatialities, Globalities / By the Centre for Science Studies, Lancaster University, Lancaster LA1 4YN, UK // <http://www.comp.lancs.ac.uk/sociology/papers/Law-Hetherington-Materialities-Spatialities-Globalities.pdf>.

30. Стрельникова А.В. Методология, методы и процедуры изучения городского пространства // Лаборатория социолога: из опыта полевых исследований: Учеб. пособ. / Под ред. В.А. Ядова. М.: Таус, 2008. С. 58–78.

31. Wacquant L. Territorial Stigmatization in the Age of Advanced Marginality // *Thesis Eleven*. 2007. No. 91. P. 66–77.

32. Ищем уральское! // [taby27.ru](http://www.taby27.ru): Имиджелогия, философия дизайна, архитектура // <http://www.taby27.ru/forum/viewtopic.php?f=2&t=3>.